

А. П. Алексеев

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ И РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ

Статья посвящена проблеме формирования конституционно-правовой традиции в России. Существующие конституционно-правовые институты далеко не совершенны с юридической точки зрения и реализуются с существенными искажениями. В статье дается анализ некоторых конституционно-правовых институтов, их соответствия российским реалиям, выявляются тенденции дальнейшего развития и совершенствования.

Ключевые слова: государственно-правовая традиция, конституция, конституционализм, конституционное право, конституционно-правовая традиция, конституционно-правовые институты.

The article deals with the problem of formation of constitutional-legal tradition in Russia. Acting constitutional-legal institutes are far from being perfect from legal point of view, and are realized with essential misrepresentations.

The article gives analysis of certain constitutional-legal institutes, their conformity with Russian realities, reveals trends of their further development and improvement.

Key words: state-legal tradition, constitution, constitutionalism, constitutional law, constitutional-legal tradition, constitutional-legal institutes.

На этапе преобразования государственно-правовых институтов существенно возрастает значение науки конституционного права в сопровождении этого процесса и выработке основных системообразующих подходов к проводимым реформам. Конституционное право является наиболее политизированной отраслью права, она теснее иных отраслей связана с политической сферой, именно здесь право и политика соприкасаются и взаимодействуют теснейшим образом. Выполняя юридическую и политическую функции, конституционное право затрагивает культурологические основы жизни социума.

В настоящее время существует острая необходимость в разработке собственной стратегии политико-правового развития, учитывающей современную культурологическую реальность. Существование конституции совсем не означает создания конституционно-правового порядка, поскольку «образование конституционного строя совершается не столько провозглашением основного закона, сообразного конституционным началам, но привитием жизненного уклада с его ценностями, противоречиями, изъянами и достоинствами» [1, с. 14].

В современной юридической науке начинается переосмысление взглядов и оценок

на правовые явления, появляются новые направления исследования, рассматривающие государственно-правовые институты в комплексе с иными социальными институтами и явлениями на их стыке. Г. В. Мальцев отмечает, что «... право стало жертвой отсутствия мировоззрения, и лишь на почве нового мировоззрения оно может возродиться...» [4, с. 99]. Сегодня следует оценить состояние российской *государственно-правовой* традиции, поскольку о сформировавшейся *конституционно-правовой* традиции говорить пока преждевременно.

При этом государственно-правовая традиция здесь понимается как исторически сложившаяся совокупность взглядов общества о государстве и его институтах, о праве и политике, а также основанное на ней политико-правовое устройство этого общества. Следует отличать формальную правовую модель от реально сложившегося государственно-правового уклада социума. Уровень восприятия конкретным обществом конституционных ценностей будет показывать степень корреляции между формальной и фактической конституциями.

Российская модель конституционализма часто характеризуется как циклическая, причем основу и содержание этой цикличности всегда определял конфликт права (как нормативной

системы) и его социальной эффективности [7, с. 274]. В нашей стране не существовало социальных предпосылок для развития конституционной традиции, в числе которых можно указать противопоставление права и морали, отсутствие гражданского общества, отсутствие у народа реального статуса самостоятельного политического субъекта, способного сформулировать политическую волю. Как справедливо отмечает И. И. Глебова, «реальный народ — неструктурированная, деидеологизированная, атомизированная масса — легко поддается краткосрочной, «целевой» консолидации в ответ на мощные (с точки зрения затраченных ресурсов, широты охвата аудитории, силы давления) вызовы, информационно-символические послы власти» [2, с. 11].

В российской социокультурной среде большое значение всегда придавалось не столько правовым нормам, сколько государственно-властным структурам, политическим лидерам государства. Большинство реформ в России связано с конкретными именами. Легитимность правовых актов в нашей стране гораздо менее важна по сравнению с легитимностью государственной власти. В условиях высокого политического рейтинга действующего Президента легитимность основному документу страны придается *a posteriori*, в этой ситуации глава государства в полном смысле слова является гарантом Конституции. В этой связи несовершенство юридической техники Основного закона страны не имеет столь принципиального значения. В то же время этот важнейший аспект менталитета российского общества был полностью воспринят составителями Конституции РФ 1993 г. и воплощен в положениях о сильной президентской власти. Критики Основного закона видят в них «угрозу демократии, зародыш авторитаризма ... между тем при сохранении политических свобод она ... может стать осью стабилизации новой политической системы, опорой восстановления правопорядка ... это реальная, работающая часть Конституции, отвечающая остро ощущаемой общественной

потребности в укреплении государственной власти» [6, с. 36].

Препятствием в формировании конституционной традиции служит то, что в России «атмосфера, настрой всегда важнее институций и норм» [2, с. 20]. В сентябре—октябре 1993 г. действия Президента по отношению к Верховному Совету носили явно антиконституционный характер, однако именно Президент получил поддержку населения. Парламент страны оказался недееспособным, погрязшим в бесконечных политических дебатах. В тексте Основного закона 1993 г. принцип разделения властей сформулирован с очевидными логическими несоответствиями. Вне действия данного принципа остаются Президент РФ, Прокуратура РФ (статья об этом органе формально находится в главе «Судебная власть», в ней указано, что полномочия Прокуратуры определяются федеральным законом), Счетная палата, Центральный банк России. Нет ясности в конституционно-правовом статусе Уполномоченного по правам человека, Центральной избирательной комиссии, Совета безопасности. Конституция отражает приверженность российского общества идее сильного главы государства (вне зависимости от его формального наименования). «Даже произошедшая в последние годы коренная смена общественного строя не смогла глубоко видоизменить не только глубинных характеристик нашего общества и государства, но даже внешних форм, в которых проявляются основные управленческие структуры и механизмы» [8, с. 105].

В российской социокультурной среде не сложилось однозначного образа понятий «правового», «демократического», «социального» государства. Так, «идея социального государства, в зависимости от того, в какую среду она помещена, может быть понята не только как система вспомоществования бедным, но и как общее благосостояние, обещанное властью», а судебные решения могут быть истолкованы «как выражение начальственной воли, тогда как другие увидят в нем частный случай осуществления права, законности» [1, с. 88]. В

российской государственно-правовой традиции общество часто допускает значительную свободу действий со стороны государственной власти, причем без выяснения ее правомерности. Одновременно, при существенном усилении воздействия государственных структур на общество, последнее вырабатывает механизмы игнорирования власти.

Российская социокультурная среда далеко не однородна, ее элементы часто отличаются контрастностью и противоречивостью. Многие авторы пытаются описать это состояние понятием «переходного общества» или «переходного периода», для которого свойственны конфликты, неопределенность процедур в социальной деятельности, неустойчивость интересов и поведенческих навыков, размытые представления о ценностях, отсутствие объединяющих идей [9, с. 131]. Однако история нашей страны дает повод сказать о том, что в таком «переходном» состоянии российское общество находится практически постоянно. Это состояние неопределенности сформировало «выработанную веками национальную привычку иметь несколько стандартов поведения» [3, с. 26]. Причем одним из важнейших поведенческих навыков в российском обществе является стремление действовать в основном не в соответствии с правовыми требованиями, а «по справедливости». В силу этого не сложился образ человека как носителя субъективных прав и юридических обязанностей, без которого конституционный порядок невозможен. Конституционная традиция основана на признании и уважении субъективных прав, подчинении власти правам личности, ценности свободы, частной собственности, независимости судебной власти.

Сама по себе конституция и ее качество, безусловно, являются важнейшими моментами в построении конституционного государства. При этом следует учитывать, что «старания улучшить и обновить конституционное законодательство доказывает, как это ни странно, недостаток успехов в конституционном праве», тогда как «дело не в изъянах конституционной техники или инструментов демократического правления, а в нехватке прочных оснований конституционного порядка» [1, с. 227]. Конституционные институты не могут

сложиться только по принуждению со стороны властных структур, они должны стать естественным образом жизни, элементом государственно-правовой традиции, для чего «понадобится осмысленность, чувство правоты, положительные и стойкие верования, убедительные настолько, чтобы стала возможной их передача из поколения в поколение» [1, с. 417].

В этой связи в задачи науки конституционного права должны войти в качестве важнейших направлений изучение особенностей российской социокультурной среды в части ее соприкосновения с государственно-правовыми институтами и выработка рекомендаций по достижению «гармоничного отношения между российским мировоззрением и ожидаемым конституционным порядком» [1, с. 488]. Причем все шаги в этом направлении должны носить системный, логически-последовательный характер.

Первичной основой должны стать конституция и совокупность законов конституционного значения. Эти источники должны являться фундаментом конституционно-правовой политики, формами реализации которой должны стать формирование доктрины российского конституционализма, правотворческая деятельность, предопределяющая деятельность правоприменительную, а также формирование позитивного правосознания у всех членов общества. В этом процессе не могут быть задействованы все субъекты российской политической системы — от органов государственной и муниципальной власти, политических партий и иных общественных объединений, средств массовой информации до конкретного человека. Такого рода процессы, безусловно, будут «наталкиваться» на различного рода препятствия: традиционные поведенческие навыки, политическую апатию части населения. Важнейшим направлением будет являться выработка механизмов безболезненной нейтрализации такого сопротивления. В силу российской традиции проведения «реформ сверху» движущей силой на первоначальном этапе могут быть только государственные структуры. В условиях глобализации Россия не сможет стать полноправным участником «мирового рынка», не создав должный уровень правового порядка

внутри страны. Построение конституционной государственности должно стать государственной задачей. При всем разнообразии правовых систем важным будет следование известным «правилам игры». Создание единого правового пространства внутри страны и его гарантированность позволяют рассматривать государство как относительно стабильное, предсказуемое и, соответственно, надежного торгового и политического партнера. «Озабоченность» стран Запада относительно «антидемократических тенденций» в России, помимо понятных внешнеполитических причин, имеет и определенный формальный «повод» — отсутствие системного конституционного законодательства, основанного на последовательно реализуемой доктрине. Конституция РФ 1993 г. внутренне противоречива, многие ее положения не содержат ясности, в силу чего значительная и очень важная сфера отношений продолжает регулироваться не правовыми, а какими-то иными, в первую очередь политическими, методами и средствами.

Самобытное конституционное законодательство, будучи системным, должно закреплять основополагающие моменты конституционного порядка: форму государства, его политико-территориальное устройство, правовую систему, включая источники и их четкую и недвусмысленную иерархию, фундаментальные принципы взаимоотношений личности, общества и государства, непротиворечивый правовой статус органов публичной власти (исключающий наличие неопределенных, «скрытых» полномочий, определяющий его место в системе государственного аппарата, взаимоотношения с другими субъектами политической системы).

Немаловажен образ государственной власти. В своих фундаментальных началах государственная власть должна работать на принципах открытости и паритетности с личностью и обществом, а не рассматриваться как нечто недостижимое, огражденное системой пропусков, привилегий и безответственностью. Парадокс в том, что сам образ власти часто представлен государственными символами, противоречащими Конституции. Государственный герб явно символизирует монархическую власть, хотя формально по

Конституции Россия является республикой.

При этом важно не столько следование «классическому» принципу разделения властей, которому органически присущи «издержки и опасности» [5, с. 13], сколько создание реально действующего эффективного института ответственности властных структур при четком разграничении их полномочий. Первые шаги в данном направлении — построение институтов реального контроля в отношении государственных структур. В их числе независимое правосудие с созданием системы административных судов, конституционное правосудие, контроль со стороны общественных структур.

Пока Россия показывает примеры конституционных революций, радикально отвергающих предшествующие модели (а часто и всю историческую традицию) и не содержащих конструктивных элементов обеспечения политико-правовой преемственности, в результате чего не возникает стабильной конституционной традиции, которая обеспечивает преемственность и легитимность провозглашаемых прав, а также фундаментальных отношений собственности и власти, что, в свою очередь, тормозит конституционную модернизацию [7, с. 275].

Условиями формирования конституционной традиции могут стать: подлинная многопартийность (а не ее декорация), свободные средства массовой информации, гражданские инициативы, свободное предпринимательство, самоорганизация населения (вместо самоустранения), соответствующий уровень политико-правовой культуры.

Список библиографических ссылок

1. Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003.
2. Глебова И. И. Как Россия справилась с демократией: заметки о русской политической культуре, власти, обществе. М., 2006.
3. Грачев М., Филонович С. Пятипроцентный элемент // Эксперт. 2000. № 25.
4. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.
5. Мартышин О. В. Конституция Российской Федерации 1993 г. как памятник эпохи // Гос-во и право. 2004. № 4.
6. Мартышин О. В. Российская конституция 1993 г. и становление новой политической системы // Гос-во и право. 1994. № 10.
7. Медушевский А. Н. Теория конституционных циклов. М., 2005.
8. Прохоров А. П. Русская модель управления. М., 2002.
9. Конфликты в современной России. М., 1999.

© А. П. Алексеев, 2009